

МИХАИЛ АНИПКИН

РЕЧЕГОРСК

18+

Михаил Анипкин

Речегорск

«Автор»

2026

Анипкин М. А.

Речегорск / М. А. Анипкин — «Автор», 2026

Михаил Александрович Анипкин родился в 1972 году в р. п. Даниловка Волгоградской области. Университетский преподаватель, доктор социологических наук. Автор книги «Партработник» (2020). В 2021 году журнал «Нева» опубликовал его рассказ «Сороче». В 2018 году в журнале «Неприкосновенный запас» вышла его статья «Поколение лишних людей: антропологический портрет последнего советского поколения». Тема социальной невостребованности последнего советского поколения в современной России получила развитие в «Речегорске». Повесть рассказывает о внутренней жизни российского университета. Действие охватывает период с февраля по июнь 2014 года. История выборов ректора превращается в историю ресентимента поколения, сформировавшегося на рубеже советской и постсоветской эпох. Вымышленный областной центр Речегорск выступает метафорой страны. Впервые повесть была опубликована в журнале «Новая Литература» в июне 2026 года.

© Анипкин М. А., 2026

© Автор, 2026

Михаил Анипкин

Речегорск

Конец февраля в Речегорске, как всегда, выдался промозглым. Порывистый восточный ветер сдувал остатки снега, обнажая землю и мусор, не вывезенный с городских улиц перед последним снегопадом. Начиналась стремительная речегорская весна – «из шуб в шорты», как любят говорить местные остряки. Ночью легкий морозец всё ещё стягивал тонким льдом одинокие лужи, а днём светило яркое солнце, заставляя столбик термометра подниматься до плюс десяти.

«Надо было идти спать, а не сидеть перед телевизором», – с лёгкой досадой подумал Лапин, выкручивая руль на главную дорогу. Вчерашняя поздняя трансляция закрытия олимпиады в Сочи отзывалась тягучим дискомфортом в затылке. Юрий Александрович ехал на заседание Учёного совета Речегорского государственного университета.

Лапин не любил Учёные советы. Весь день «коту под хвост». Как заведующий кафедрой он был членом совета. Лапин не понимал смысла заседать – всё и так определял ректор, а Учёный совет лишь проштамповывал уже принятые решения. Иногда голосовали по избранию преподавателей на конкурсную должность. В этом ещё был какой-то смысл. А в остальном – имитация рабочего дня с перерывом на обед. Тем не менее, формально это собрание считалось главным руководящим органом университета в промежутках между конференциями сотрудников.

Однако настроение у Лапина было хорошее, как обычно у «жаворонков». Путь до университета занимал около сорока минут на машине. Юрий Александрович водил с удовольствием. Концентрация на дороге и зеркалах бокового и заднего вида вводила Лапина в состояние лёгкой медитации. Когда водительская реакция обострена, проблемы на время улетучиваются, а сознание начинает прокручивать что-то своё.

В голове всплывали ставшие крылатыми комментарии ректора Козловских с предыдущих заседаний Учёного совета. «Скажите спасибо, что не в шахте работаете!» – эта была реакция на жалобу о скромных зарплатах преподавателей. Лапину нравилась и другая его реплика: «Бедность должна быть чистой!» – так ректор разнёс убранство кафедр филологического факультета.

Но, пожалуй, самой любимой у Юрия Александровича была фраза: «Здесь тебе не Кембридж!». Правда сказана она была Лапину лично – в ректорском кабинете семь лет назад.

Юрий Александрович тогда только что вернулся из Кембриджа после защиты PhD по социологии. Аспирантскую стипендию старейшего кембриджского колледжа Питерхаус он получил по международному конкурсу. К тому времени у него уже была защищённая кандидатская, но он хотел доказать, что он не просто «сын Лапина» – приложение к своему отцу, бывшему первому секретарю обкома. На ту стипендию претендовали почти сто человек со всего мира, а выбрали именно его.

Юрий Александрович этим очень гордился. Он надеялся, что теперь ни у кого не возникнет соблазна связывать его кембриджские успехи с фигурой отца. Но слухи всё равно поползли – будто английская стипендия была устроена отцом. Лапин понимал, что это обычная зависть и на неё не стоит обращать внимания. Понимал – но всё равно принимал близко к сердцу.

Ещё подростком он уяснил, что так его семья расплачивается за карьеру отца. Всегда сопровождающим тебя шепотком за спиной, сплетнями и вообще пристрастным отношением. Это давление он испытывал с детства, и оно не могло не сказаться на его характере.

Английская диссертация Лапина называлась «Методология социально-антропологического анализа поколенческой динамики». Коллеги говорили, что в ней были интересные для

дисциплины идеи, и Юрию Александровичу предложили позицию постдока в одном из университетов США.

В Америку Лапин ехать не захотел. Тогда Козловских, по просьбе Лапина-старшего, взял Юрия Александровича на кафедру социологии. Менее чем через два года он стал её заведующим.

Антон Максимович Козловских считал себя прогрессивным человеком, поэтому легко согласился трудоустроить новоиспечённого кембриджского доктора – с одним условием: Лапин должен перевести диссертацию на русский и защитить её уже как российскую докторскую.

На вялые протесты Юрия Александровича ректор не обращал внимания. Его аргументация была проста и убедительна:

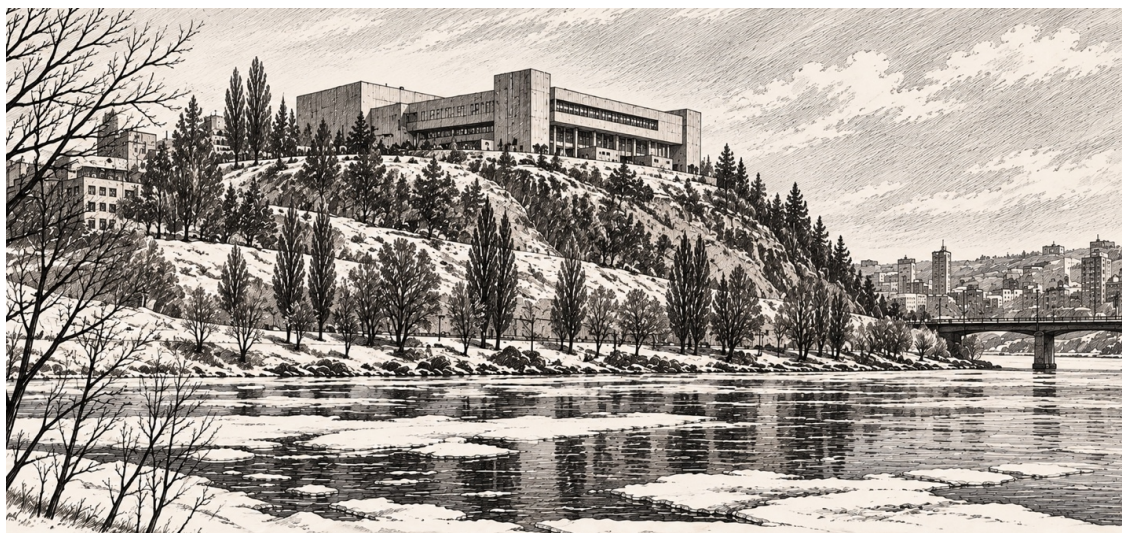
– Здесь тебе не Кембридж!

«Здесь вам не Кембридж... – надо повесить эту фразу крупными буквами при входе в Речегорский университет», – с усмешкой подумал Лапин после того разговора. – А то вдруг кто-нибудь перепутает.

Лапин понимал, что квартира в центре города на берегу Реки и хорошая иномарка, подаренные отцом, были способом удержать его в Речегорске. Лапин-старший предполагал, что после Англии сыну будет психологически тяжело жить здесь и он обязательно захочет вернуться на Альбион. Поэтому отец стремился создать для него такой уровень бытового комфорта, с которым было бы трудно расстаться.

Лапин вернулся не из-за квартиры и машины – из-за отца. Тот очень скучал без него и хотел, чтобы сын жил в родном городе. Лапин-младший это понимал. Он не только любил отца, но и относился к нему с огромным уважением. Как раньше Александр Григорьевич полностью поддерживал стремление сына учиться в Англии, так потом он хотел его возвращения домой.

Было и ещё одно обстоятельство. Лечащий врач по большому секрету рассказал Лапину и его матери о прогрессирующей онкологии Александра Григорьевича. Лапин-старший умер полгода назад.

Машина свернула вправо на дорогу, ведущую вверх по склону. Там, «на горе», светло-серым приплюснутым кубом возвышался Речегорский государственный университет, обдуваемый степными ветрами.

Основное здание университета, вобравшее лучшие черты позднесоветского архитектурного модернизма, не было лишено скуповатой элегантности проектов семидесятых годов.

Верхнюю часть фасада в виде колоссального панно украшали восемь барельефов. Лапин хорошо помнил, как четверть века назад, ещё будучи студентами, они спорили, кто же там изображён. По Ломоносову, Толстому и Пушкину вопросов не было. Ясность отсутствовала относительно других лиц – то ли Менделеева, то ли Достоевского и ещё трёх неопределённых мужиков.

Справа от основного здания располагалась библиотека, а в самом низу, у подножия горы, – десятиэтажное общежитие. Генеральный план университета изначально предполагал лабораторный корпус, плавательный бассейн и ещё одно общежитие, но всё это кануло в Лету вместе со страной развитого социализма.

Тем не менее идея университетского кампуса, возвышающегося над Рекой в географическом центре города, всё же воплотилась – правда, немного в стилистике кафкианского «Замка». До университета было мучительно сложно добираться общественным транспортом. Наверх приходилось взбираться пешком, что в метель и гололёд превращалось в настоящее испытание. Зато из окон открывалась захватывающая панорама Реки и Заречья с его живописными дубравами и ериками.

Юрий Александрович впервые вошёл в это здание в 1989 году – на подготовительные курсы – и сразу понял: это его место. Запах свежей паркетной доски в аудиториях, мраморные ступени, поглощающая шум плитка в коридорах, просторные рекреации с деревянными нишами в оконных проёмах – всё это ассоциировалось с чем-то современным и устремлённым в будущее. Разительное отличие от других речегорских вузов с их сталинской архитектурой сороковых и пятидесятых.

Это был один из последних классических университетов, основанных в СССР. МГУ, ЛГУ и другие большие университеты Союза щедро делились с ним книгами и молодыми кандидатами наук – выпускниками ведущих научных школ страны.

В этот раз Учёный совет впервые проводился не в обычном зале заседаний, а в только что отстроенном здании новой библиотеки. Возводившийся четверть века «храм книги» морально устарел уже к моменту сдачи в начале этого года. Тем не менее, ректор Козловских был невероятно горд, что именно при нём этот опостылевший всем долгострой наконец завершился. При входе в библиотеку народ встречала бронзовая скульптура девушки, идущей вверх по книжным штабелям как по ступенькам. Это очевидно должно было олицетворять непреходящую роль книги на тернистом пути к диплому о высшем образовании.

В пахнущий свежей краской лекционный зал, озираясь, неуверенно заходили члены совета. Люди недоумевали, зачем вдруг приспичило проводить Учёный совет здесь, а не в обычном комфортабельном зале заседаний. Лапин занял место ближе к галёрке и с интересом наблюдал за прибывающими коллегами.

Будто преодолевая полосу препятствий, одетый, как всегда, в джинсово-кроссовочном стиле, в зал прошмыгнул худющий Володя Мельник, близкий друг Лапина, профессор и завкафедрой философии. Они вместе поступали на излёте перестройки и почти в одно время защитили свои докторские двадцать лет спустя.

– Привет, Юрик! «Цирк с конями начинает свою работу», – не без ехидства прошептал Володя на ухо Лапину.

– Кто тут кони?

– Кони мы, а Козловских – дрессировщик с кнутом, – гикнул Володя.

– Скорее тюлени. Знаешь, такие на тумбах, с шарами, – иронично заметил Лапин.

– Да-да, тюлени – это точно! – рассмеялся Мельник.

Ровно в десять, как генсек с членами политбюро, зашли в зал ректор с проректорами. Антон Максимович в свои шестьдесят пять выглядел очень неплохо. Среднего роста, подтянутый, всегда одетый в элегантный костюм, ректор был невероятно похож на Эркюля Пуаро

из известного английского сериала. Такие же усики, залысина, глаза, походка и даже манера говорить – мягкая, с едва уловимыми южнорусскими интонациями.

Козловских любил повторять, что его роль ректора – сродни актёрству, только значительно сложнее, поскольку никогда точно не знаешь, какой спектакль от тебя ожидают в министерстве в отдельно взятый день. Сегодня Антон Максимович был одет в тёмный костюм, белую рубашку и бордовый галстук. Он и его первый проректор Игорь Николаевич Мухин зашли в президиум, но, вопреки обыкновению, не сели на свои места, а остались стоять с загадочным выражением на лицах.

Вдруг грянули барабаны и, ко всеобщему изумлению, в аудиторию маршевым шагом зашла знамённая группа. Бело-сине-зелёный штандарт Речегорского государственного университета торжественно нёс студент второго курса физического факультета, чемпион города по бальным танцам Лёша Зацепилов. Знамя с гербом вуза выносилось только по очень важным датам, и собравшиеся гадали, что такого значимого отмечают сегодня.

– Юрик, ты что-нибудь понимаешь? – нервно прошипел Володя. Лапин только озадаченно качнул головой.

Как только стихли барабаны и знамённая группа по стойке смирно заняла место справа от стола президиума, тут же зазвучал гимн Речегорского государственного университета. Слова гимна лет тридцать назад написала Элина Подорожникова – бессменный профессор кафедры русской филологии. Припев завершался словами: «Наш Речегорский универ-сите-ет!», – в самом конце нота взмывала резко вверх. Члены совета начали подпевать. Лёгким фальцетом с энтузиазмом вытягивала стоявшая слева от Мельника и Лапина декан биологического факультета Валентина Тихоновна Мальцева.

– «Суро-овые го-оды ухо-одят...», – давясь от смеха прошептал Володя.

– «Пропал дом...», – подхватил Лапин.

– Юрик, нас сейчас отсюда выведут.

– Сам начал.

После гимна ректор вышел к трибуне.

– Дорогие коллеги! За те двадцать лет, в течение которых мне выпала большая честь быть ректором Речегорского госуниверситета, мы достигли серьёзных успехов в научно-исследовательской и образовательной сферах. Наш вуз стремительно вошёл в двадцать первый век, и нам не стыдно ни перед другими университетами, ни перед нашим министерством. За прошедшие годы увеличилось число научно-исследовательских институтов и программ. Наш университет стоит на переднем крае науки. В вузе запущена и успешно функционирует лаборатория наноматериалов. Мы активно исследуем новое направление в экономической науке – наноэкономику. Нами предложен и плодотворно разрабатывается новый раздел в экономической теории – экономическая генетика. Мы, коллеги, первые в стране, кто додумался до такого! Ну и, наконец, это прекрасное здание, в котором мы сейчас находимся.

Присутствующие вяло поаплодировали.

– Мы увеличили набор студентов на тридцать процентов, – продолжал ректор.

– Сейчас скажет про презентации с мультяшным эффектом, – шепнул Лапин.

– Профессорско-преподавательский состав прошёл обучение за счёт университета современным технологиям учебного процесса, и теперь все умеют делать компьютерные презентации, – бодро рапортовал докладчик.

Тут Козловских оторвался от бумажки и посмотрел в зал.

– Но некоторые представители профессорско-преподавательского состава всё ещё не используют эффект анимации в своих презентациях, хотя я неоднократно подчёркивал, что современный студент хочет видеть всё многообразие визуальных средств подачи материала на лекциях. Отдельные коллеги продолжают упрямяться. – Антон Максимович с укоризной посмотрел в зал.

– Понял? Это про тебя, Юрик, – давясь от смеха прошептал Мельник.

– Да знаю, – усмехнулся Юрий Александрович, вспоминая, как на одном из совещаний Козловских при всех пожурил Лапина за его невнимание к мультяшным аспектам презентаций.

Зал тихо внимал речи Козловских. Все прекрасно знали фирменный стиль ректора. Правда, немного необычно звучал акцент на достижениях последних двадцати лет. Всё прояснилось через несколько минут.

– Поэтому лично мне есть чем гордиться... Я ухожу с поста ректора со спокойным сердцем.

Антон Максимович выдержал театральную паузу и, довольный произведённым эффектом, оглядел ошеломлённый зал.

– Да, я решил не выдвигаться на следующий срок. Дорогу молодому поколению, как говорится. – Козловских покосился на Мухина.

– Но я не ухожу далеко. С министерством согласовано моё назначение президентом университета.

Барную стойку ресторана «Распрягай!» украшала деревянная скульптура сидящего на дубовой бочке казака. Из одежды на нём были только шапка, ружьё и сабля. Фигура голого казака на бочке с вином была заимствована с печати Войска Донского и символизировала упор заведения на казачью кухню. Над баром крупными буквами красовалась надпись: «С друзьями в любомъ краю ты казакъ, а безъ друзьёв кабель Дохлый».

Лапин как-то поинтересовался, почему слово «Дохлый» написано с большой буквы. «Так повелось», – пожимая плечами ответил одетый в казачий костюм официант. Лапин был здесь завсегдатаем – ему нравилась вкусная еда и атмосфера заведения.

– Ну что, теперь Мухин – исполняющий обязанности до избрания нового ректора, – задумчиво произнёс Юрий Александрович, чокнувшись по первой с Володей Мельником.

Друзья зашли в «Распрягай!» хорошенько обмозговать сложившуюся ситуацию.

– Он же и будет новым, – разливая по второй, заметил Володя.

– Не слышу ноток оптимизма – ты разве не рад? – с улыбкой спросил Лапин, нанизывая на вилку селедку с варёной картошкой.

– Юрик, да рад – не рад, не знаю. Ты как на это смотришь?

– Мы ещё вспомним Козловских с тоской по хорошим временам – вот как я на это смотрю.

Водка шла хорошо под грибочки и селедочку. В предвкушении ещё лучшего прохождения под горячее друзья опрокинули очередную стопку. Подали судака в белке с картофельным пюре и солёным огурцом. «Под горячее» друзья заказали вторую бутылочку – вслед быстро улетевшей первой.

– Чёрт – напьюсь же, а завтра на работу, – хмыкнул Лапин, плеснув ещё по одной.

– Да ладно, Юрик! Завтра весь универ придёт с бодуна. Народ будет ходить по кафедрам похмеляться.

– Так, а вообще, за что пьём-то? Празднуем или поминки справляем?

– Ни то, ни другое. Пьём за что-то новое. За движуху. Хочется каких-то изменений. Двадцать лет были при одном и том же. Люди хотят перемен. Как у Цоя, помнишь, – «перемен требуют наши сердца», – неожиданно серьёзно ответил Володя.

– Перемены с Мухиным? Ты это серьёзно?

– Юрик, ну не совсем. Но что-то же поменяется.

Лапин организовал по свежей стопочке.

– Разумеется, Козловских тоже любит деньги, но для него хорошая идея дороже денег. При всех «но», о которых мы знаем. Для него наука всё-таки на первом месте. А Мухин эту нашу, с позволения сказать, науку видел в гробу в белых тапочках.

– Какая наука, такие и тапочки. Или, скорее, гробик, – усмехнулся Мельник.

– Ну тогда за гробик!

– За него, Юрик! Не чокаясь! – друзья с хохотом выпили ещё по одной.

Заиграл баян. «Верила-верила-верю-ю, верила-верила я-я-я, но никогда не поверю-ю, что ты разлюбишь меня-я-я...», – раскачно пела румяная дивчина в казачьем костюме.

На небольшом подиуме возле бара началась вечерняя музыкальная программа. Молодой парень-баянист лихо выворачивал меха, потряхивая головой в такт музыки. Лапин загляделся на эту пару.

– О чём задумался, Юрик? Давай лучше выпьем. За всё хорошее!

– Да я вот о чём думаю. – Лапин набулькал очередную порцию. – Но ты не думай – я не сошёл с ума.

– Говори!

– А не выдвинуть ли мне свою кандидатуру на выборы ректора?

– Хорошая водка... – Володя махом опустошил рюмку. – Юрик, я ценю твоё чувство юмора.

– Да нет, я серьёзно, – ответил Лапин, отправляя в рот кусок селёдки. – Хочу попробовать. Мысли кое-какие. Есть что предложить «городу и миру», так сказать.

Володя покрутил головой.

– Юрик, ты не обижайся, дружище, но ты уверен, что «город и мир» хочет услышать твои мысли? Помнишь, что сказал Козловских: «Здесь тебе не Кембридж». Юрка, и он прав, по большому счёту. Ты хочешь сделать из нашей богадельни Кембридж?!

– Да ладно, богадельня. Нормальный университет. Он же был первоклассным вузом, когда мы поступали. Ты же помнишь... ну в самом деле!

Мельник оторвался от судака и пристально посмотрел на друга.

– Был первоклассным, Юра. В далёком девяностом, когда мы поступали. Всё ушло. Ничего не осталось. Я вчера курил в подвале с Барановым, помнишь профессора, он у нас ещё на подготовительных курсах читал. Так вот он мне говорит: «Володя, у нас сейчас всё «как бы». Вроде мы и профессора, но какие мы, к чёрту, профессора с такой зарплатой и лошадиной нагрузкой. Мы «как бы» профессора. Играем в игру, где мы изображаем профессоров, пытаюсь убедить в этом самих себя. И даже где-то убеждается. До первого зарплатного квитка и окрика Козловских: «Радуйтесь, что не в шахте работаете». Ты вот мне скажи, в Кембридже часто профессорам этой фразой в морду тычут?.. Давай лучше накатим.

– Давай... Вот это «как бы» – я с этим отчасти соглашусь. Но люди же остались. Которые могут и хотят не «как бы». «Как бы» пошло с середины девяностых...

– Сразу после девяносто первого началось «как бы», Юра.

Лапин рассмеялся.

– Заметь – не я это сказал. Из моего рта это воспримут как поклёп советского номенклатурного сынка на постсоветскую действительность, а тебе можно. Эх, чёрт возьми! Ну не так же всё плохо. Не сгущай.

Юрий Александрович задумчиво посмотрел на артистов.

– Хочу попробовать. Да и вообще, хочется личного роста. Считаю меня карьеристом.

– Ты не карьерист, Лапин. Если бы ты был карьеристом, то работал бы в администрации области, а не в образовании. С твоей-то фамилией. Честно говоря, я не понимаю, что ты тут делаешь. Ну вообще, я имею в виду. У тебя английская степень. Не осточертело бесконечно переделывать учебные планы, заниматься всем этим бредом в виде учебно-методических комплексов, паспортов компетенций, фондов оценочных средств и прочей хрени?

– Осточертело, Вова. Аж зубы сводит, как осточертело... Поэтому я и хочу стать ректором. На коллегии министерства предложить прекратить это бумажное безумие.

Мельник закатил глаза.

– О чём ты! Это бесполезно! И ректором тебе не дадут стать.

– А вдруг. Хочу попробовать. «Лучше сожалеть о том, что сделано, чем о том, что не сделано», – банальная фраза, но как раз мой случай. Мне хочется роста. Я чувствую в себе

силы. И есть желание реализовать своё видение университета. Что в этом плохого? Что здесь не так?

– Юрик, «не так» то, что у нас так не делается. У нас тебя двигают. Дают разрешение на карьеру. А ты хочешь сам... Это в ваших Англиях всяких так, а у нас по-другому. Отца твоего так двигали. Он же не сам просился.

– Слушай, Володя, брось вспоминать, как было при Союзе. Той страны больше нет. То, что сейчас, – абсолютно антисоветское во всём. Но как только надо обосновать, почему ты не можешь куда-то выдвигаться, кем-то стать, то вытаскивают из нафталина этот аргумент: «Ну ты же понимаешь, старичок, вот твой отец, – ты же помнишь, как их двигали...». Играют на моём уважении к папе. Классическая манипуляция! И ты туда же.

– Ладно-ладно, не обижайся! Я же за тебя, Юра. Я же специально выкладываю их аргументы. Они же тебе в нос именно их и будут тыкать. Мухин, я имею в виду.

– Кстати, если уж зашла речь об отце, то ведь он хотел, чтобы я стал ректором. Мне он никогда этого не говорил. Мама недавно рассказала. Как раз когда я заявил, что всё надоело и хочу в Англию. Она убеждена, что глупо и бездарно уезжать за границу, если не достиг своего потолка на родине.

– Опа! Юрка! Я понял! Ты хочешь, чтобы тебя бортанули с ректорством. Доказать матери, что ты достиг здесь своего потолка и со спокойной душой свалить в Англию!

– Щщщщ! Только об этом никому, – рассмеялся Лапин.

Друзья благополучно расправились со второй бутылкой и заказали по чашке кофе.

– То, что ты сказал, – есть такое, – задумчиво произнёс Лапин. – Хочу закрыть гештальт, как сейчас модно говорить. Доказать самому себе, что здесь у меня всё. Тупик. И уехать со спокойной душой.

– Юрик, давай еще по пятьдесят коньяку под кофе.

– Господи, Вовик, ну давай. Завтра тяжело будет... Но разговор хороший.

«Ра-аспряга-айте, хло-опцы, ко-оной...», – артисты запели свою коронную песню. Это означало, что надо было доедать и допивать, поскольку ресторан закрывался на ночь.

– Юр, ты знаешь, я вот что тебе скажу... А попробуй, чёрт его дери! Пошерудим корягой в болотце.

Володя отхлебнул кофе.

– Слушай, а вдруг станешь ректором? Ну вот вдруг ты окажешься в бюллетене и большинство конференции сотрудников зайдёт в кабину для тайного голосования и выберет тебя.

– Ага, «кандидата от народа».

– Ну «кандидат от народа» из тебя ещё тот... Но вдруг? Что ты будешь делать?

– Вова, как говорят стюардессы перед взлётом: «В маловероятном случае приводнения – спасательный жилет и свисток для привлечения внимания находятся под вашим креслом». Вот в маловероятном случае моего избрания – надену жилет и буду свистеть в свисток, – ухмыльнулся Лапин. – А если серьёзно – буду бороться по-настоящему. Если вдруг по какому-то фантастическому сценарию я стану ректором, то буду пытаться продвинуть свои идеи на коллегии министерства. Если нет – пишу по собственному желанию и через две недели улетаю в Лондон. Виза «высококвалифицированного специалиста» у меня есть. Вот и всё.

– У тебя хоть есть куда улететь, – вздохнул Мельник. – Завидую белой завистью.

– Вова, ну тут я сам много работал в этом направлении, ты же знаешь.

Юрий Александрович тяжело вздохнул.

– Когда в том приснопамятном августе девяносто первого отца выкинули из его кабинета в главном здании с колоннами, я вдруг понял одну очень простую вещь. В нашей стране ты можешь долго выстраивать честную карьеру. Получать ордена. Дойти до самых верхов. Но наступит день, когда твоя страна, невзирая ни на какие твои заслуги, бросит тебя мордой об асфальт. И все те, кто буквально вчера заискивающе глядели тебе в глаза и клялись в вечной

преданности, сегодня отвернутся. Вот этот незатейливый вывод о нашей жизни буквально прошиб тогда мой мозг. Как же всё это было мерзко...

– И ты стал искать стипендию для учёбы в Англии – я помню, Юра. Ну у тебя есть хоть какой-то план? Тебя же в министерстве сразу зарубят.

– Слушай, ну как раз это я могу попытаться решить. Попробую использовать старые семейные связи – вдруг сработает. Задача минимум, она же максимум – пройти согласование в министерстве. Это уже будет большой удачей. А там дальше – как повезет.

– И это правильно! «Кандидат от народа», вы наш, – хихикнул Мельник.

– Да ладно, хоть ты не ёрничай – желающих и без тебя будет навалом.

– Да я любя, Юрик! Ты же знаешь! Ну что – за успех нашего безнадёжного предприятия!

– За него!

– Вы любите сюрпризы, Юрий Александрович, – улыбнулась Анна Сергеевна Веденина, садясь на переднее сиденье автомобиля. Лапин обычно заезжал за ней по пути в университет.

Веденина работала профессором на кафедре у Лапина всего пару лет. До того она десять лет была проректором Речегорского университета. А совсем до этого – секретарём по идеологии Речегорского горкома КПСС. Она любила и умела работать с людьми, за что её вполне заслуженно двигали вверх по партийной лестнице.

В личной жизни Анны Сергеевны было всё просто – она жила одна. У Ведениной были отличные карьерные перспективы уйти на повышение в ЦК, но август 1991-го поставил на этом жирный крест. Анна Сергеевна к тому времени успела защитить кандидатскую по научному коммунизму в Академии общественных наук при ЦК КПСС, поэтому после запрета партии смогла достаточно легко уйти доцентом в университет. Благодаря своим мозгам, старым связям и организаторским способностям Веденина быстро стала проректором и защитила докторскую.

Два года назад приказом ректора её должность проректора сократили, машину с водителем отобрали. Истинную причину в традициях Речегорского госуниверситета, разумеется, объяснять не стали. Впрочем, эта причина лежала на поверхности. В связи с приходом в область нового губернатора потеряла должность зама губернатора давняя подруга Ведениной. Таким образом, необходимость держать проректором Анну Сергеевну отпала. Она осталась просто профессором на кафедре у Лапина.

Веденина как-то попросила Лапина захватить её по пути в университет. С тех пор это стало традицией. Юрий Александрович не возражал. Наоборот – ему было в удовольствие поболтать с Ведениной по дороге на работу. Анна Сергеевна, на правах старшего товарища, всегда могла дать дельный совет. Лапин помнил, какого высокого мнения о ней был его отец, поэтому в доверительной манере мог позволить себе обсуждать с ней разные деликатные вопросы по работе.

– Как неожиданно заседание кафедры, – продолжила разговор Анна Сергеевна. – Что-то случилось?

Лапин действительно вчера обзвонил всех членов кафедры с просьбой собраться в десять часов сегодня на заседание.

– В общем да, – вздохнул Юрий Александрович, – я решил выдвигаться на должность ректора. Буду просить рекомендацию кафедры. Вот, собственно, и всё.

Веденина сжала губы и посмотрела в окно.

– Я именно этого и ожидала. И боялась.

– Почему боялись?

– Я вас очень хорошо понимаю, Юрий Александрович. Вам всё осточертело. Вам скучно. Вы хотите роста. Сколько вы уже завкафедрой? Пять с лишним лет? Вам сорок один. У вас есть, как говорится, здоровые амбиции. Вы умеете руководить. В этом смысле гены у вас хорошие.

Веденина натужно улыбнулась.

– Но, Юрий Александрович, вы же понимаете, что Мухин вас не пустит. И он будет вас ломать через кафедру. Первое, что он сделает – нанесёт удар по кафедре, по всем нам. Поверьте моему аппаратному опыту. Он будет вас ломать угрозой слияния кафедры. С кем угодно. С политологией или философией – неважно. Вы же давно работаете в нашей системе. Прекрасно знаете, что у нас делают, если надо освободиться от человека, которого нельзя уволить. Сокращают структуру. Или реорганизуют. Так испокон веков у нас в стране. И вы ничего с этим не сделаете. Это система. Вы сейчас идёте против неё и нас всех угробите в угоду своим карьерным устремлениям... Извините меня, но я должна была это сказать.

Веденина сняла очки и начала елозить платком по линзам.

Лапин сосредоточенно вёл машину.

– Всё, что вы сейчас сказали, Анна Сергеевна, я прокручивал в голове миллион раз. Я отлично понимаю, что бить по мне будут через кафедру. Но всё-таки есть какие-то ограничения. Он просто так не может расформировать или слить кафедру своим приказом исполняющего обязанности ректора. Для этого требуется решение Учёного совета, предварительное согласование на совете факультета и тому подобное. Для этого нужно время, и до выборов ректора этим точно никто заниматься не будет. А потом необходимость в этом отпадёт. Если я стану ректором, кафедра, разумеется, сохранится. Если Мухин – то тогда зачем ему это? Он уже ректор. Успокойся. Месть? Зачем? Лишние телодвижения, а он не любит лишних телодвижений – мы его хорошо знаем. Всё, чем ограничится – это угрозы и топание ногами. Но это надо перетерпеть, и ничего не будет. Такая моя логика. Я не прав?

– В логике здравого смысла – правы, – усмехнулась Анна Сергеевна. – Но я исхожу из логики Мухина. А в этой логике – соберут заседание совета факультета за один день. А на следующий – большой Учёный совет. И привет горячий.

– Хорошо, но ведь есть министерство. Это же всё будет выглядеть как расправа над кандидатом в ректоры. Ну не может не вызвать вопросы в министерстве.

– Я вас умоляю, – рассмеялась Веденина. – Такие вещи нормально решаются через начальника департамента – того, кто будет заниматься бумагами из Речегорска. Мухин сам поедет к нему и всё будет хорошо. Для Мухина.

– Слушайте, ну сейчас двадцать первый век всё-таки. Интернет есть – я же могу написать министру напрямую и рассказать о травле кандидата.

– Тогда ваше слово будет против слова Мухина. Он исполняющий обязанности ректора. Кого министр скорее послушает? Тем более, судя по всему, у Мухина уже есть поддержка министра. Козловских об этом, конечно, позаботился. Всё уже решено наверху, Юрий Александрович! Не будьте таким наивным!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.